

Вспоминая слова Ю Фанъинь о мире, в котором она жила, и сравнивая его с тем местом, где она сейчас находится, Цзян Сюэнин почему-то чувствовала себя не очень уютно. Поэтому, когда она снова сосредоточилась на вопросах, заданных этими учителями, они становились все менее и менее приятными для нее.

Изначально она собиралась притвориться полной бездарностью, не стремящейся к прогрессу.

Но теперь, глядя на них, у нее возникает желание спорить: в конце концов, она все равно не останется во дворце, так зачем бояться обидеть этих стариков?

Цзян Сюэнин медленно вращает перо в руках, и на ее губах появляется улыбка.

Весь экзаменационный лист, как уже говорил Се Вэй, действительно не был слишком сложным. Вопросы касались в основном учения Конфуция и Мэн Цзы, а также некоторых знаний о поэзии, ритме и музыке.

Теперь она уже ответила на половину вопросов своим почерком, похожим на «собачий шрифт».

Что касается оставшейся половины...

«Конфуций сказал: Армию можно лишить генерала, но отдельного человека нельзя лишить его стремлений. Как это понимать? Как можно обсудить важность стремлений благородного человека?"

Цзян Сюэнин внимательно и аккуратно рисует на листе черепаху и пишет: «С одной стороны, говорят: Когда обычный человек видит оскорбление, он выхватывает меч и начинает борьбу, это не может считаться храбростью, с другой стороны, когда обычный человек гневается, кровь разбрызгивается на пять шагов. Если это "обычный человек", то он принадлежит к низшим слоям, какое у него может быть "стремление"? Если нет стремлений, чего тогда можно лишить? Я не знаю, как это понимать, но одно я поняла точно: святые тоже могут говорить абсурд!»

Вопрос был таков: «Конфуций сказал: Небо наделило меня добродетелью, что может мне сделать Хуань Туй из Сун?. Прошу объяснить значение слова "добродетель"».

Это высказывание Конфуция было сделано во время его побега, когда он проходил через Сун, а Хуань Туй, командующий в Сун, попытался убить его. В то время Конфуций вместе со своими учениками обсуждал обряды династии Чжоу под большим деревом, Хуань Туй приказал срубить дерево, чтобы убить Конфуция.

Ученые всегда почитали Конфуция как святого, и то, что он говорил, считалось правильным, даже если это было бессмыслицей, они могли найти для этого множество объяснений.

Цзян Сюэнин, увидев эту фразу, чуть не закатила глаза к потолку. Если человек обладает «добродетелью», значит ли это, что он может преодолеть любую опасность и не бояться врагов? Какая ахинея. И этот еще и описывает себя самого, восхваляя себя таким образом, да так, что и лицо не краснеет.

У нее было много «аргументов», которые она хотела высказать по этому вопросу.

Так она и сделала, быстро и решительно написав ответ на вопрос. Несмотря на

неаккуратный почерк, в остальном проблем не было.

Полтора часа пролетели незаметно.

К этому времени другие участницы уже закончили писать, и дворецкий, ударив в медный гонг, начал собирать тетради.

Когда он подошел к Цзян Сюэнин, она все еще склонилась над столом и писала.

Дворецкий кашлянул:

— Вторая мисс Цзян, время сдавать работу.

Цзян Сюэнин не обращала внимания и даже не подняла головы, чтобы посмотреть на дворецкого, только сказала:

— О, подождите, я заканчиваю последнее предложение.

Дворецкий не знал, что делать, и невольно повернул голову к Се Вэю, который уже встал и смотрел в их сторону.

Се Вэй ничего не сказал.

Тогда дворецкий только мог терпеливо ждать рядом, пока Цзян Сюэнин пишет. Но этот «последний абзац» оказался необычайно длинным, она написала еще много.

Все взгляды были обращены на нее, и в сердцах всех возникло недоумение:

«Непонятно. По идее, Цзян Сюэнин знала все вопросы заранее, так что она должна была быть готова, а этот экзамен не был сложным. Такие люди, как Сяо Ши и Фань Илань, на самом деле закончили писать свои работы за час и могли бы сдать их раньше, но они не хотели выделяться. Почему же она занимает так много времени?»

Наконец, она положила перо и подняла плотно заполненный ответный лист со стола, подула на чернила, чтобы они высохли, и передала его дворецкому, который уже долго ждал:

— Благодарю вас.

Дворецкий вздохнул с облегчением.

Он подумал, что вторая мисс Цзян, видимо, очень серьезно относится к экзаменам и обладает обширными знаниями, поэтому она написала так много. Но когда он взял ее работу, чтобы взглянуть, он увидел лишь странные каракули. Это серьезно? И зачем писать столько...

Пот выступил с его лба.

Дворецкий не осмелился высказываться и, собрав все работы, аккуратно сложил их и передал Се Вэю.

Так экзамен был завершен.

Все немного расслабились.

Фан Мяо сидела ближе к Цзян Сюэнин и, наблюдая за тем, как Се Вэй принимает

экзаменационные работы и раскладывает их на столе, наклонилась к Цзян Сюэнин и спросила:

— Почему ты так долго отвечала? Может быть, в вопросах были какие-то скрытые смыслы?

Никаких скрытых смыслов не было.

Если уж на то пошло, это было просто проявление «занудства».

Цзян Сюэнин также подняла глаза на Се Вэя, и, убедившись, что он не обращает внимания на них, повернулась к Фан Мяо и тихо ответила:

— Я просто немного глупа, поэтому мне пришлось дольше отвечать.

Глупа?

От неё даже близко не пахло глупостью.

Фан Мяо внезапно не захотела больше разговаривать с ней, чувствуя, что это всего лишь «внешнее скромное поведение при наличии огромного таланта», и с грустью посмотрела на неё:

— Продолжай притворяться.

Цзян Сюэнин видела, что Фан Мяо не верит ей, и не стала больше объяснять.

Ведь после того как она закончила экзаменационную работу, она чувствовала себя намного легче.

Этот экзамен был проведен «точно в цель», и, скорее всего, те старики будут ворчать и сердиться, когда увидят её работу. Она не беспокоилась о том, что не сможет покинуть дворец!

Так она тихонько начала разглядывать Се Вэя.

На столе в самом верху лежала работа старшей дочери герцога Чэнгуо, Сяо Ши.

Её мелкий красивый почерк был очень аккуратным, было видно, что она много тренировалась.

Когда Се Вэй просмотрел следующую работу, он кивнул головой, но его лицо оставалось невозмутимым. Сидящие внизу не могли понять, о чём он думает.

Но когда он добрался до пятой работы, его глаза неожиданно слегка дёрнулись.

Цзян Сюэнин, наблюдавшая за его выражением, сразу почувствовала внутреннее напряжение: «Наверное, теперь моя очередь!»

Она вспомнила Се Вэя из прошлой жизни.

Владевший священными книгами, знаток многих школ, обладатель прекрасного почерка и виртуозный музыкант. Она задавалась вопросом, не вспыхнет ли он от ярости, увидев её работу?

Если бы он вдруг потерял самообладание, это было бы так захватывающе!

Представьте его удивление, когда после просмотра первых четырех аккуратных работ он вдруг увидел эту пятую, исписанную неразборчивым почерком.

Как будто священник рисовал зловещие символы. Даже семилетние школьники пишут лучше!

На мгновение его брови нахмурились, и он, казалось, был готов выкинуть эту работу на пол.

Но тут он увидел в верхней части работы три слова «Цзян Сюэнин».

Се Вэй зажал пальцами тетрадь и, сжав их, поднял взгляд к углу, который освещался дневным светом. Он увидел, как Цзян Сюэнин тайком наблюдает за ним, в её ясных глазах мелькала хитрость, словно у лисы. Но как только он посмотрел на неё, эта озорная искра исчезла, и она взглянула на него смущённо и робко, затем опустила голову, словно осознавая, как плохо она ответила на вопросы, и волнуясь об этом.

Се Вэй уставился на неё внимательно и долго. Цзян Сюэнин думала, что он лишь взглянет на неё и отведёт взгляд, поэтому вскоре снова подняла голову, чтобы увидеть его реакцию. Но вдруг она поймала его взгляд, который так и не отвёлся. Она мгновенно вздрогнула!

Хотя на лице Се Вэя не было строгости или холода, он казался невозмутимым, словно спокойное море. Однако Цзян Сюэнин чувствовала, что под этой поверхностной тишиной скрывается бурлящий водоворот, заставляющий её сердце трепетать.

Снаружи всё казалось спокойным, но внутри бушевали страсти. Она почувствовала холод в затылке и с трудом сдержала желание убежать, медленно опустив голову, но на этот раз уже не осмелилась поднимать её.

Только после этого Се Вэй медленно отвёл свой взгляд и снова вернулся к чтению работы. В зале воцарилась глубокая тишина.

Все девушки из знатных семей, тайно наблюдавшие за выражением лица Се Вэя, были поражены, обнаружив, что обычно он тратит всего полчаса на проверку одной тетради, а на эту пятую задержал взгляд целый час. Хотя по его лицу было невозможно определить его мысли, это невольно вызывало страх.

Все они чувствовали себя неудобно. Во-первых, они молились, чтобы это не была их работа, а во-вторых, не могли удержаться от мысли, что же такое написано в этой тетради, чтобы удивить Се Вэя, наставника наследного принца, настолько, что он столько времени уделил ей?

В этот момент трое старых учёных из Академии Ханьлин вернулись обратно и, увидев, что все уже закончили, подошли к Се Вэю с улыбкой:

— Вы уже проверяете работы? Давайте, мы тоже поможем вам с несколькими последними.

С этими словами они протянули руки к работам на столе. Се Вэй слегка вздрогнул, но незаметно отложил тетрадь Цзян Сюэнин в сторону и натурально передал оставшиеся работы старикам, сказав:

— Благодарю вас, уважаемые учёные.

Старики не заметили его быстрого движения, приняли работы, начав проверять по две-три работы каждый. Они комментировали:

— Эта работа совершенно не по теме! То же самое и с этой, тысяча слов, но все мимо! Не могут даже объяснить слова Мен Яшэн о «рождении в бедствиях и смерти в благополучии», как они могут сопровождать в учёбе...

Несколько девушек из благородных семей побледили. В это время Цзян Сюэнин немного успокоилась, думая про себя, что старики наконец вернулись. Как только они увидят её работу, они определённо не выберут её. Таким образом, дело сделано!

Вскоре учёные закончили проверку работ и выделили четыре из них, покачав головой в сторону Се Вэя. Это означало, что эти работы не прошли.

<http://tl.rulate.ru/book/93968/4639345>